РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

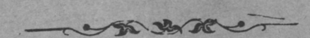
Годъ XXIX-й. СЕНТЯБРЬ. 1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1898 г.

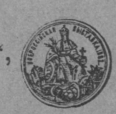
Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.
1898.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1898 г.

Воспоминанія старой институтки[1]).

25-го мая сего 1898 года исполнилось 100 лѣтъ со дня основанія училища ордена св. Екатерины. Получивъ воспитаніе въ немъ въ 40-хъ годахъ, слишкомъ полъ-столѣтія тому назадъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о годахъ, проведенныхъ мною въ миломъ мнѣ и до сихъ поръ институтѣ, прося снисхожденія къ слабому труду 70-ти-лѣтней старухи, имѣвшей счастіе дожить до такого торжественнаго дня.

Въ продолженіе ста лѣтъ воспитывалось и выпущено изъ стѣнъ института нѣсколько тысячъ юныхъ существъ въ бурное житейское море. Въ прежніе годы, а быть можетъ и теперь, покидая этотъ мирный пріютъ, ни одна изъ насъ не знала, что такое жизнь и что она дастъ — радость или горе? а каждая мечтала, сидя на классной скамейкѣ, только объ удовольствіяхъ, радостяхъ и развлеченіяхъ — не ожидая, что въ жизни чаще встрѣчаются горе и неудачи.

Теперь институтки имѣютъ возможность ближе знакомиться съ жизнію, проводя каникулы и праздники въ родной семьѣ, а въ то время, о которомъ я, старая институтка, вспоминаю, мы были совершенно отчуждены отъ родныхъ; хорошо еще, если родители или близкіе родственники жили въ Петербургѣ, могли разъ въ недѣлю навѣщать дѣвочку; а бывало и такъ: родители привезутъ 8-ми, 9-ти-лѣтнюю дочь и уѣзжаютъ обратно къ себѣ за 1.000 или болѣе верстъ (тогда еще желѣзныхъ дорогъ не было, существовала одна Царскосельская), и только по окончаніи шести лѣтъ являются взять изъ института уже взрослую дѣвушку. При мнѣ были такіе случаи, что ни дочь, ни мать съ отцомъ не узнавали другъ друга.

Дѣвочки не развлекались внѣ института, учились, занимались нау-

[1]) Написаны по случаю 100-лѣтняго юбилея училища ордена святой Екатерины (Екатерининскаго института).

*

ками, искусствами, жили замкнутой институтской жизнью, не вѣдая, что творится за его стѣнами, чѣмъ и какъ живетъ родная семья — это предоставлялось узнать только по выходѣ. Вотъ и говорили, что тогдашняя институтка — не хозяйка, не свѣдующая въ практической жизни, только куколка, хорошо танцующая, прекрасно знающая музыку, пѣніе, рукодѣліе и болтающая по-французски. Что дѣлать? Таковъ былъ режимъ тогдашняго воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ. Одаренныя отъ природы смѣтливостью и умѣніемъ примѣняться къ жизни, мы легко пополняли этотъ недостатокъ воспитанія и дѣлались прекрасными женами, матерями и хозяйками.

Намъ внушали быть кроткими, правдивыми, невзыскательными въ семейной жизни; довольствоваться тѣмъ, что Господь пошлетъ, и если не всѣ усваивали эти правила, то лишь по пословицѣ: «въ семьѣ не безъ урода!»

То, что не отпускали насъ изъ института ни при какихъ семейныхъ обстоятельствахъ, я, пишущая эти воспоминанія, испытала на себѣ: за четыре мѣсяца до выпуска я имѣла несчастіе потерять отца, жившаго въ окрестностяхъ Петербурга, и меня не пустили отдать послѣдній долгъ горячо-любимому отцу, обнять, утѣшить больную, сраженную горемъ мать! Вотъ какъ строго относились къ правилу не выпускать ни на шагъ изъ института!

Прошло уже 60 лѣтъ, какъ я въ первый разъ переступила институтскій порогъ, но до сей поры помню тотъ день, когда отецъ съ матерью привезли меня въ это заведеніе. Это было 16-го августа 1838 г. День былъ великолѣпный, солнышко радостно освѣщало высокія зданія Петербурга и стѣны института—только пріемная комната начальницы, помѣщавшаяся внизу, направо отъ швейцарской, смотрѣла какъ-то угрюмо и непривѣтливо; въ ней было не такъ свѣтло, потому что окна выходили на подъѣздъ, надъ которымъ по сіе время красуется огромный балконъ, поддерживаемый колоннами. Будто сейчасъ вижу, какъ начальница института m-me Кренпинъ, худенькая старушка, вышла къ намъ изъ своихъ комнатъ, любезно поздоровалась съ папой и мамой и, потрепавъ меня по щекѣ, сказала, обращаясь къ родителямъ:

— Привезли вашу дочь? Очень рада.

— Вамъ будетъ здѣсь хорошо, mon enfant,—обратилась она ко мнѣ,—много подругъ; учитесь, будьте прилежны, ведите себя хорошо и васъ всѣ полюбятъ. А теперь не скучайте, надо проститься съ папой и мамой,—и, повернувшись къ пепиньеркѣ, приказала ей отвести меня въ классъ.

Пока говорила начальница, сердце у меня такъ и замирало и слезы были готовы брызнуть изъ глазъ, но я ихъ глотала, а когда она вышла изъ комнаты и пепиньерка подошла ко мнѣ, чтобы разлучить съ роди-

телями, тутъ ужъ я не выдержала и, горько рыдая, бросилась имъ на шею. Долго ли я плакала на плечѣ матери—я не помню! Не помню, какъ и простилась съ ними!

Давъ мнѣ вдоволь выплакаться, добрая m-me Кот—ъ взяла меня за руку и повела въ классъ,—длинную, большую комнату въ нижнемъ этажѣ. Здѣсь стояли скамейки съ пюпитрами одна за другой, въ два ряда, съ широкимъ проходомъ между ними; противъ—черная классная доска, столикъ возлѣ нея для учителя и большой столъ у первой скамейки для классной дамы, а далѣе—столикъ со стуломъ для пепиньерки. Слезы еще туманили мои глаза и я едва различала дѣвицъ, сидѣвшихъ за пюпитрами. Время было между уроками, такъ что можно было болтать между собою.

— Mesdames, новенькая! новенькая!—слышу я со всѣхъ сторонъ,—какая маленькая, некрасивая! дурнышка!!

— Нѣтъ, ничего; хорошо одѣта! Какая нарядная... comme il faut! —доносится до моего слуха.

Пепиньерка представляетъ меня классной дамѣ m—me Л—й, молодой, хорошенькой, но очень маленькаго роста дамѣ (скажу мимоходомъ, что въ концѣ года она вышла замужъ и вѣнчалась въ нашей церкви). Она обласкала меня и тотчасъ же познакомила съ дѣвицами; надо замѣтить, что я не была застѣнчива, а потому живо сошлась съ тѣми, съ которыми меня посадили рядомъ. Когда насъ повели въ дортуаръ спать и я должна была послѣ общей молитвы раздѣться сама, чего я конечно не дѣлала дома, и меня на сонъ грядущій никто не перекрестилъ, какъ дѣлали это дорогой папа и милая мама, мнѣ сдѣлалось очень грустно, слезы душили меня, но я не смѣла громко плакать, и только моя подушка вся была омочена слезами. И вотъ теперь, послѣ шестидесяти лѣтъ, я живо представляю себѣ эту первую проведенную ночь въ институтѣ и у меня, 70-ти-лѣтней старухи, навертываются и теперь слезы при этомъ воспоминаніи.

Нѣсколько дней я ходила въ своемъ платьѣ и долго не могла сообразить—гдѣ я? и что со мною? Не могу умолчать и о томъ, какъ я долго не могла привыкнуть къ институтскому столу; все мнѣ казалось невкуснымъ и я ничего не ѣла; особенно утромъ была непріятна подававшаяся намъ какая-то бурда, называемая чаемъ или сбитнемъ, съ молокомъ и половиною французской булки; а по средамъ и пятницамъ намъ давали—по кружкѣ кипяченаго молока съ такой же булкой. Въ пять часовъ вечера, послѣ классовъ, приносили большую корзину съ ломтями чернаго хлѣба съ солью и бутыль квасу. Трудно себѣ представить, съ какою поспѣшностью набрасывались дѣвицы на этотъ хлѣбъ!

Наконецъ пріѣхали ко мнѣ мама съ папой. Боже! сколько было ра-

дости, сколько объятій, слезъ, поцѣлуевъ; успокоившись, я, между прочимъ, разсказала, какимъ чаемъ насъ угощаютъ, что даютъ по вечерамъ, и что при желаніи родителей, за особую плату, 30 руб. въ годъ классной дамѣ, можно пить у нея чай утромъ и вечеромъ. Папа, разумѣется, тотчасъ же внесъ въ канцелярію института чайныя деньги и за музыку.

Наканунѣ моего свиданія съ родителями я уже была одѣта въ казенное платье: зеленое камлотовое съ бѣлымъ передникомъ, пелеринкой и бѣлыми же рукавчиками, и такимъ образомъ встрѣтила моихъ дорогихъ папу съ мамой настоящей институткой младшаго класса. Въ старшемъ же классѣ, т. е. послѣдніе три года институтки носили платья коричневаго цвѣта. Родители мои пріѣзжали ко мнѣ по воскресеньямъ очень рѣдко, въ будни же принимали ихъ всегда въ пріемной у начальницы или у той классной дамы, у которой я пила чай. Всѣ институтки съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали воскресенья, дня пріема родныхъ въ большомъ залѣ. Опишу одно изъ воскресеній, такъ какъ въ продолженіе 6-ти-лѣтняго моего пребыванія въ институтѣ всѣ воскресные дни походили одинъ на другой.

Утромъ колоколъ будилъ насъ въ 7 часовъ [1]). Послѣ перваго удара звонка дежурная дама въ своемъ утреннемъ костюмѣ являлась въ дортуаръ посмотрѣть, встаемъ ли мы; обойдя комнату, она оставляла насъ умываться и заниматься туалетомъ, по окончаніи котораго каждая дѣвица должна была убрать сама свою постель, ночной столикъ и ждать звонка къ молитвѣ. Классная дама въ своемъ форменномъ синемъ шерстяномъ платьѣ ставила насъ на молитву; по-очереди одна изъ насъ читала громко главу изъ «Евангелія» и утреннія молитвы, по окончаніи которыхъ мы дѣлали реверансъ дамѣ, становились по-парно и шли въ столовую пить нѣчто похожее на чай. Кто пилъ свой чай, уходилъ къ «своимъ дамамъ», а отъ нихъ— въ большой залъ занимать свое мѣсто. Затѣмъ всѣхъ институтокъ старшаго и младшаго классовъ вели въ залъ, гдѣ дозволялось, какъ были, по-парно, сѣсть по-турецки на полъ въ ожиданіи церковнаго колокольнаго звона къ обѣднѣ. Это были самыя пріятныя минуты для болтовни и смѣха; сюда сходились воспитанницы всѣхъ 8-ми отдѣленій — четвертушки, т. е. самыя маленькія дѣвочки 6—7 лѣтъ, 3-го отдѣленія младшаго возраста, 3-го отдѣленія старшаго класса и одно параллельное. Мы жужжали, какъ пчелы, оставленныя на это время классными дамами, которыя уходили рядомъ, въ физическій залъ, вѣрно тоже поболтать между собой. Обѣдню стояли всѣ вмѣстѣ; старшій классъ налѣво, младшій—направо, по росту; у каждаго отдѣленія сбоку находилась своя дежурная дама. Думаю, что и теперь

[1]) Въ будни мы вставали въ 6 часовъ утра.

такой же порядокъ. Начальница института, m-me Родзянко, каждое воскресенье присутствовала при богослуженіи. Кстати упомяну здѣсь, что добрая старушка m-me Кренпинъ, при которой я поступила въ институтъ, вскорѣ умерла и ее замѣнила чудная, добрѣйшая Екатерина Владиміровна Родзянко.

Послѣ обѣдни насъ приводили въ дортуаръ, гдѣ мы надѣвали лучшіе коленкоровые передники, пелеринки, рукавчики, поправляли прическу и получали кокарды: красныя — за хорошее поведеніе и науки, и черныя—за лѣность и за дурное поведеніе; ихъ мы должны были приколоть къ плечу или рукаву платья. Господи! сколько было горя, когда за какую-нибудь шалость, непослушаніе, напримѣръ, въ родѣ разговора въ классѣ по-русски или за обѣдомъ; передачи тетради при учителѣ съ одной скамьи на другую, незнаніе урока... словомъ, всѣ провинности за недѣлю отмѣчались черной кокардой. Надо, однако же, отдать справедливость нашимъ класснымъ дамамъ: рѣдкая изъ нихъ была неумолима и не прощала шалунью, особенно тогда, когда къ ней приходили родные или вызывали въ залъ; прилежныя и смирныя дѣвицы круглый годъ, каждое воскресенье получали свои красныя кокарды и гордились ими; лишиться таковой считалось великимъ срамомъ.

Въ праздники насъ кормили лучше, чѣмъ въ будни, а 24-го ноября, въ день нашего орденскаго праздника, давали даже шампанское и игралъ за столомъ нашъ институтскій оркестръ. Послѣ обѣда насъ опять вели въ дортуары, гдѣ классная дама отдѣляла дѣвицъ, питающихъ надежду на то, что къ нимъ придутъ родные; этихъ дѣвицъ попарно вводили въ залъ, гдѣ за баллюстрадой, на скамейкахъ, устроенныхъ одна выше другой, уже сидѣли обыкновенно пріѣхавшіе родные и ждали своихъ дочурокъ. Вотъ заслуженный инвалидъ распахиваетъ широко высокія двери, ведущія изъ физической комнаты въ большой залъ; впереди чинно выступаютъ двѣ, три дежурныя дамы въ нарядныхъ шелковыхъ синихъ платьяхъ, за ними, по-парно, дѣвицы (50 и болѣе), конечно, подъ ростъ, маленькія впереди. Войдя въ залъ, дѣвицы останавливаются по срединѣ, становятся dos-à-dos и дѣлаютъ реверансъ присутствующимъ родителямъ, послѣ чего одна колонна идетъ въ этомъ, такъ сказать, заколдованномъ кругѣ направо, а другая—налѣво и, приблизившись къ сидящимъ у баллюстрады роднымъ, счастливая и радостная дѣвочка подходитъ къ баллюстрадѣ и здоровается съ своими: папой, мамой, сестрами, братьями или кузенами, мѣста которыхъ на самой задней скамейкѣ.

Пріемъ продолжается съ часу до половины четвертаго; тогда ударъ колокола заставляетъ родныхъ покинуть залъ, а дѣвочки, поцѣловавъ ихъ на-скоро, уходятъ изъ зала.

Такъ проходили наши воскресенья и праздники; будни были

полны занятій. Съ 9-ти часовъ до 12-ти, двѣ смѣны учителей; въ 12—обѣдъ и рекреація; съ 2-хъ часовъ опять уроки—до 5-ти, у двухъ учителей. Въ 5-ть—чай, т. е. хлѣбъ съ квасомъ; до 6-ти—свободны поболтать часокъ, съ 6-ти до 8-ми вечера—приготовленіе уроковъ, въ 8 ч.—ужинъ и спать; и такъ изо-дня-въ-день—одно и тоже.

За шалости насъ строго наказывали, а случалось, что и за нихъ не взыскивали.

Разскажу одинъ случай: въ какой-то праздникъ, нѣкоторыя изъ насъ, купивъ мелкаго сахару и яицъ, сидѣли въ сборномъ дортуарѣ, бывшемъ рядомъ съ комнатами нашей доброй и симпатичной инспектрисы m-elle Гоголь, и сбивали сахаръ съ яйцами въ стаканахъ, заранѣе припасенныхъ въ столовой. Бесѣда шла оживленная. Катя К., общая любимица, передавала намъ въ лицахъ случившійся вчера скандалъ съ неуклюжей толстухой Лизой К—й.

— Представьте себѣ, mesdames, разсказывала она, вчера вечеромъ, послѣ урока, очаровательный батюшка пожелалъ пройтись съ нами по саду. Толпа стремглавъ бросилась за нимъ; кто попроворнѣе, заняли мѣста возлѣ, а вотъ Лиза, она вѣдь обожаетъ батюшку, по обыкновенію опоздала, переваливаясь шла впереди его, задомъ и... о, ужасъ! несчастная спотыкается и теряетъ башмакъ съ ноги, какъ разъ противъ батюшки. Безсердечная Наташа О—ъ подхватываетъ башмакъ, и онъ высоко летитъ въ сторону, такъ что батюшка и вся компанія видѣли этотъ скандалъ. Бѣдняжка, Лиза К., красная, какъ зарево, убѣжала отъ стыда, спряталась въ кусты крыжевника и тамъ, не чувствуя боли отъ шиповъ, горько плакала. Вѣдь срамъ, какъ оскандалилась! Смотрите, mesdames, какъ летѣлъ башмакъ Лизы—и съ этими словами шалунья Катя стаскиваетъ свой и высоко, какъ мячикъ, подбрасываетъ его вверхъ.

— Très bien, mademoiselle, très bien, continuez votre récit en action, et votre ouvrage, mademoiselle, que faites vous? вдругъ раздался за нами голосъ инспектрисы.

Опять Катя К. выручила; не задумываясь ни мало, она бойко отвѣтила за сконфузившуюся подругу, сбивавшую яйца.

— Гоголь-моголь, m-elle Гоголь!

Ну, думаемъ, достанется-же намъ! Но, видимо, m-elle Гоголь была въ прекрасномъ настроеніи духа и улыбаясь сказала:

— Прошу васъ въ другой разъ не заниматься такой стряпней, и вышла изъ дортуара.

Слава Богу, миновала гроза; и тутъ мы дали слово впередъ быть осторожнѣе и въ сборномъ дортуарѣ не сбивать гоголь-моголь! Въ самомъ дѣлѣ, не глупо-ли забраться въ дортуаръ; по сосѣдству съ инспектрисой, когда у насъ есть такое укромное мѣстечко (умывальня), гдѣ происходятъ наши совѣщанія и гдѣ даются порученія. Приведу

образчикъ записокъ на покупки, дававшихся воспитанницамъ [1]). На хорошенькой бумажкѣ обыкновенно писалось: «Г-нъ лавочникъ, просимъ васъ, отпустите пожалуйста толокна на 10 к., мелкаго сахару на 10 к., яицъ на 15 к., клюквы на 5 к.; пожалуйста всего побольше и 10 к. за работу». Записку и деньги даемъ воспитанницѣ и бѣгаемъ освѣдомляться, скоро-ли принесутъ провизію?! Подобнаго рода отступленія отъ дисциплины доставляли намъ большое удовольствіе и развлеченіе; все это нисколько не было направлено во вредъ нравственности и что всего важнѣе—лжи у насъ не было; когда попадешься, бывало, сама лично, чистосердечно покаешься классной дамѣ (выдавать подругъ, Боже сохрани—это преступленіе противъ чести!), хотя бы за это сняли передникъ, поставили въ классѣ къ доскѣ или въ столовой за черный столъ.

Помню я, какъ насъ водили каждую среду послѣ обѣда въ дортуаръ, гдѣ для каждой были приготовлены деревянныя досчечки, въ родѣ линеекъ, шириною въ два вершка. Становили насъ въ одинъ рядъ съ этими линейками, и мы, закинувъ ихъ назадъ, за спину, должны были крѣпко держать ихъ обѣими руками за концы и дѣлать «па» то одной, то другой ногой. Мы спрашивали классную даму, зачѣмъ продѣлываемъ все это? Намъ отвѣчали: «чтобы вы держались прямо, пріучались не горбиться, что бываетъ съ дѣтьми, долго сидящими на мѣстѣ». Тогда вѣдь не было моды на гимнастическія упражненія, и вся гимнастика замѣнялась такимъ первобытнымъ способомъ.

Я мало сохранила въ памяти время, проведенное въ младшихъ классахъ; но не забыла и никогда не забуду одинъ важный для меня эпизодъ, случившійся на второмъ году моего пребыванія въ институтѣ. Разскажу его, какъ доказательство милостиваго вниманія нашей царственной покровительницы и благодѣтельницы въ Бозѣ почивающей императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ 30-хъ—40-хъ годахъ, не было въ Петербургѣ такихъ окулистовъ и глазныхъ операторовъ, какъ въ настоящее время, и вотъ въ 1839 году пріѣзжаетъ изъ-за границы какая-то знаменитость по глазнымъ болѣзнямъ, фамиліи не помню. Ея величество прислала сказать начальницѣ, чтобы она выбрала дѣвицъ, имѣющихъ какой-либо физическій глазной недостатокъ, и особенно тѣхъ, которыя косили глаза, и что пріѣзжій окулистъ будетъ въ институтѣ дѣлать операціи. Въ назначенный день, дѣйствительно, является къ намъ эта знаменитость. Мадамъ Родзянко ведетъ въ лазаретъ тѣхъ, кому нужна операція, въ томъ числѣ и меня, получившую отъ испуга съ пяти лѣтъ этотъ непріятный физическій недостатокъ. Сама не знаю почему,

---

[1]) Прислуживавшія намъ дѣвушки назывались обыкновенно воспитанницами, потому что были изъ Воспитательнаго дома.

вѣроятно отъ страха, но я наотрѣзъ отказалась отъ операціи и начальница оставила меня въ покоѣ. Послѣ, много разъ въ моей жизни, я сожалѣла, что не послушалась совѣта maman и не рѣшилась на операцію, хотя у дѣвицъ, которымъ операція глазъ была сдѣлана, всегда при огнѣ глаза краснѣли, иногда и слезились, особенно при усиленныхъ занятіяхъ.

По прошествіи нѣкотораго времени императрица Александра Ѳеодоровна, удостоивъ институтъ своимъ посѣщеніемъ, изъявила желаніе узнать результатъ сдѣланныхъ операцій и видѣть больныхъ лично. Когда начальница доложила о моемъ отказѣ, то ея величество милостиво обратилась ко мнѣ съ вопросомъ.

— Pourquoi, n'as tu pas voulu faire l'oppération?

Этого вопроса я не ожидала, а потому очень испугалась и сама не знаю отчего и почему, отвѣтила, сдѣлавъ глубокій реверансъ:

— Je suis une pauvre personne, Votre Majeste Impériale, je tiens plus à ma bonne vue qu'à ma beauté!

— Tu a raison, mon enfant! были милостивыя слова ея величества.

Вообще мы, воспитанныя въ институтѣ, какъ теперь, такъ и тогда, можемъ похвалиться и гордиться милостивымъ вниманіемъ и попеченіемъ всей царской фамиліи. Нерѣдко посѣщалъ институтъ и императоръ Николай Павловичъ, а императрица Александра Ѳеодоровна съ великими княжнами довольно часто. Разъ, я помню, ея величество пріѣхала съ своей любимой фрейлиной m-elle Бартеньевой, замѣчательной пѣвицей, которую государыня заставила намъ спѣть нѣсколько прелестныхъ романсовъ. Когда къ намъ въ классъ вошла императрица, ея величество сѣла въ поданное ей кресло и стала слушать отвѣтъ ученицы, вызванной къ доскѣ: это была—я! Сильно забилось мое сердце отъ такой неожиданности, скажу откровенно, и отъ страха. Но я быстро овладѣла собой и, какъ послѣ мнѣ сказала классная дама и дѣвицы, отвѣчала бойко и толково, какъ теперь помню, о «Ломоносовѣ». Государынѣ угодно было спросить у начальницы фамилію учителя (въ то время былъ нашимъ преподавателемъ русской словесности г-нъ Эрнстъ) и замѣтила:

— Какъ странно, по фамиліи нѣмецъ, а даетъ уроки русскаго языка?

— Я нѣмецъ, ваше императорское величество, отвѣчалъ учитель, но ѣмъ русскій хлѣбъ и обязанъ знать русскій языкъ, наравнѣ съ моимъ роднымъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій посѣщалъ институтъ почти каждую недѣлю! Сперва давали звонокъ, когда онъ пріѣзжалъ, послѣ же, конечно по его желанію, отмѣнили эту церемонію, и онъ

бывалъ у насъ во всякое время дня; почти всѣхъ дѣвицъ зналъ по фамиліи, и мы обожали его.

Разъ у меня заболѣла голова во время ужина; я попросила классную даму позволить мнѣ уйти изъ столовой ранѣе другихъ въ дортуаръ и лечь спать. Иду я по корридору, вдругъ вижу идетъ мнѣ на встрѣчу принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Я съ крикомъ «его высочество—принцъ!» бросилась назадъ, а онъ мнѣ кричитъ: «Ковалевская, вернитесь, идите, куда шли, не надо говорить обо мнѣ». Не тутъ-то было! и боль головы прошла, и я, какъ бомба, влетѣла въ столовую съ радостнымъ извѣстіемъ. За мной вошелъ принцъ и улыбнувшись погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Хотя насъ не отпускали домой, какъ теперь, на каникулы и праздники, но мы не скучали въ институтѣ. Бывали и балы. Лѣтомъ, 1-го іюля, въ день рожденія императрицы Александры Θеодоровны, танцовали въ саду на площадкѣ, передъ террасой, шерочка съ машерочкой, и было очень весело; оркестръ музыки былъ свой. Потомъ бывали балы: 24-го ноября въ нашъ институтскій праздникъ и день ангела m-me Родзянко; въ этотъ день—танцы оживленнѣе: бывали и кавалеры, учителя и цѣлый классъ правовѣдовъ съ своимъ воспитателемъ, принцъ Петръ Георгіевичъ съ супругою, знакомые начальницы и нѣкоторые изъ родныхъ дѣвицъ. Угощали насъ яблоками, конфектами, аршадомъ, лимонадомъ, а за ужиномъ подавались тартинки съ масломъ и сыромъ; дѣвицъ маленькаго класса уводили спать въ 12 часовъ, старшія-же танцовали до часу. Третій балъ бывалъ 1-го января, самый веселый, любили его больше всѣхъ, потому что намъ было позволено костюмироваться. За мѣсяцъ и болѣе мечтали мы, а послѣ хлопотали о костюмахъ; можно сказать, что костюмы были великолѣпные: турчанки, гречанки, тирольки, словомъ, всѣхъ націй, какія намъ были извѣстны, являлись въ залъ пестрой толпой, сіяя молодостью, красотой и красивымъ нарядомъ. Добрые родители не жалѣли денегъ, чтобы побаловать своихъ дочерей, особенно богатые, которыхъ было много въ нашемъ институтѣ. Помню, однажды, Иловайская, дочь донскаго казацкаго атамана, разъ была такъ богато костюмирована турчанкой, что начальница замѣтила ея матери и просила на будущее время не дѣлать такого роскошнаго костюма, и тутъ же сняла съ Мани всѣ брильянты, изумруды и отдала ихъ m-me Иловайской. Послѣдній годъ передъ выпускомъ, нашъ костюмированный балъ былъ самый удачный и веселый, потому что, мы—дѣвицы старшаго класса, вздумали устроить сюрпризъ начальницѣ; подготовленіемъ и разработкой этого сюрприза мы занимались задолго до Святокъ.

Было 7 часовъ вечера; большой залъ былъ освѣщенъ свѣтло и красиво. Его высочество принцъ Ольденбургскій, начальница со своими

знакомыми, родные—уже заняли свои мѣста; попарно ввели дѣвицъ въ казенныхъ платьяхъ, за ними шли костюмированныя тоже парами, въ порядкѣ надѣтыхъ національныхъ костюмовъ. Когда всѣ заняли свои мѣста, начались танцы. Вдругъ музыканты заиграли какой-то веселый вальсъ, дверь изъ физической комнаты съ шумомъ широко распахнулась и въ залъ стала катиться со звономъ и трескомъ огнедышащая гора, выбрасывавшая изъ своего жерла не лаву, нѣтъ, а конфекты, фрукты и разныя сласти, которыя ловко подхватывали дѣвицы. За горою появились верстовой столбъ и вѣтреная мельница, махая своими крыльями, она захватила ими столбъ и стала вертѣться въ бѣшенномъ вальсѣ. Все это очень понравилось начальницѣ, но больше всего – показавшаяся затѣмъ цыганская палатка съ группою цыганокъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, которыя подъ звуки музыки плясали по-цыгански, а кончивъ танцы, запѣли пѣсню.

Описанный сюрпризъ, благодаря неожиданности своей, доставилъ всѣмъ большое удовольствіе. M-me Родзянко очень благодарила учениць, удивлялась, какъ все было хорошо придумано и исполнено.

Воспоминая о развлеченіяхъ, доставлявшихся намъ начальствомъ, не умолчу объ одномъ. Какъ-то, въ воскресенье, послѣ пріема родныхъ, гуляли мы по корридору, толковали о выпускѣ, высчитывали въ сотый разъ дни и часы, передавали одна другой свои желанія насчетъ туалета, дѣлали разныя предположенія и мечтали о будущемъ въ незнакомой намъ жизни, вдругъ видимъ вдали идетъ къ намъ начальница. Всѣ бросились къ ней, обступили ее со всѣхъ сторонъ, цѣловали ея руки и плечи.

— Я пришла къ вамъ, mes enfants, сообщить большую новость, сказала Екатерина Владиміровна, ея величество императрица желаетъ доставить вамъ удовольствіе, познакомить васъ съ игрою знаменитаго виртуоза Листа. По ея приглашенію, онъ будетъ завтра къ намъ въ институтъ. J'espère, que vous êtes contentes d'entendre ce celèbre pianiste?!

— Да, да, maman, какой ангелъ—императрица, какъ она заботится о насъ, кричали мы въ порывѣ восторга.

Проводивъ начальницу до дверей ея комнаты, мы принялись болтать о завтрашнемъ днѣ.

— Знаете, mesdames, я непремѣнно буду обожать Листа! вѣрно онъ божественно играетъ, если императрица пожелала, чтобы мы его слышали, говорила наша первая музыкантша, хорошенькая Китя М.

— Ужъ не думаешь-ли ты Китя, что Листъ попроситъ тебя играть? съ насмѣшкой кто-то поддразнилъ ее.

— А почему же нѣтъ? я ему сыграю; ну что̀ бы сыграть? пусть онъ видитъ, съ какимъ успѣхомъ мы здѣсь занимаемся музыкой, съ

такими преподавателями, какъ Гензельтъ и Адамъ, съ задоромъ отвѣтила она.

— Мы ему споемъ что-нибудь; вѣрно maman захочетъ похвастать нашими талантами, замѣтила первая солистка Катя К., и она звонко пропѣла какую-то руладу чистымъ серебристымъ сопрано, сдѣлавъ граціозный пируэтъ.

Вечеромъ намъ сообщила классная дама, что начальница думаетъ отблагодарить Листа подаркомъ изъ нашихъ работъ; стали соображать, какія есть готовыя вещи, кто поднесетъ; и еще много, много болтали, когда пришли въ дортуаръ изъ столовой, и долго не могли заснуть въ ожиданіи завтрашняго дня. Наконецъ онъ насталъ: было свѣтлое, морозное утро, солнышко весело играло въ окнахъ, отражаясь во множествѣ радужныхъ тѣней на стеклянныхъ подвѣскахъ люстръ и канделябрахъ большаго зала. Утро смотрѣло такимъ же радостнымъ, какъ были радостны наши юныя сердца. Посрединѣ зала стояли два рояля, кресла, стулья—и залъ въ мигъ превратился въ концертный, только еще артиста нѣтъ! Ждемъ, горимъ нетерпѣніемъ!!

Въ 11 часовъ мы уже сидѣли по мѣстамъ. Вотъ является m-me Родзянко и съ ней — высокій, худощавый господинъ съ черными, длинными волосами, которыми онъ встряхивалъ при своихъ быстрыхъ движеніяхъ.

— Il n'est pas joli... слышиться шопотъ дѣвицъ.

Всѣ мы стояли, когда вошли начальница съ Листомъ; сдѣлавъ имъ глубокій реверансъ, мы заняли свои мѣста; поклонясь намъ очень граціозно и поговоривъ о чемъ-то немного съ начальницей, Листъ сѣлъ за рояль. Тогда въ залѣ водворилась полнѣйшая тишина, и этотъ дивный виртуозъ сталъ играть. Звуки такъ и лились изъ подъ его рукъ, то страстно замирая, то громко и сильно, fortissimo. Игралъ онъ увлекательно; пальцы его такъ и прыгали по клавишамъ, мы были, какъ очарованныя, боялись проронить хотя бы малѣйшій звукъ, но вотъ во время исполненія имъ какого-то бравурнаго мѣста, лопается въ его роялѣ струна и Листъ, какъ бы по волшебству, не прерывая звука, очутился уже за другимъ роялемъ. Это былъ такой фокусъ, такъ моментально, что мы остолбенѣли! Наконецъ музыка смолкла; Листъ всталъ, кланяется намъ, въ отвѣтъ на наши поклоны. Начальница благодаритъ его отъ себя и отъ всѣхъ насъ за доставленное громадное удовольствіе и проситъ его принять на память отъ благодарныхъ институтокъ безделицу—ихъ работу! Тогда наши три красавицы: Саша Р—чъ подноситъ ему прелестную вышитую подушку, а двѣ другія—Соня К—ва и Маша С—ва--большой коверъ. Боже, какъ сконфузились наши дѣвицы и покраснѣли, какъ піоны, когда Листъ, ставъ на одно колѣно, принялъ подарки изъ ихъ рукъ!

— Бѣдныя, бѣдныя! шептали однѣ.

— Счастливицы, les heureuses, говорили другія, и всѣ были въ восторгѣ отъ любезности Листа.

Весь день мы находились подъ чарами прелестной музыки; всѣ говорили, дѣлились своими впечатлѣніями, даже классныя дамы стали добрѣе—онѣ дали намъ полную свободу высказывать громко свои мысли, болтать безъ умолка.

Такъ летѣли дни и годы въ миломъ институтѣ и быстро приближалось время экзаменовъ и выпуска. Но прежде, чѣмъ описывать это, я разскажу одинъ случай, бывшій со мною лѣтомъ въ послѣднемъ классѣ. Надо сказать, что въ то время наша постоянная классная дама хворала, и чтобы поправиться, взяла отпускъ на два мѣсяца и классъ нашъ передала m-elle Ав—й. Это была въ высшей степени несимпатичная, до педантизма взыскательная, старая дѣва; носила она три фальшивыхъ локона, съ каждой стороны своего длиннаго, худощаваго лица, которые тряслись и подпрыгивали, когда она сердилась, а сердилась она ежеминутно, за всякій пустякъ. Додо М... самая отчаянная, но милая шалунья, вздумала подшутить надъ придирчивой m-elle Ав—ой. Написавъ что-то на клочкѣ бумажки, она передала записку на заднюю скамейку, но такъ, чтобы это видно было зоркому глазу нашего аргуса. Дѣвица, получившая записку, отправила ее на слѣдующую скамейку, и записка эта гуляла изъ рукъ въ руки, пока m-elle Ав... не увидала. Какъ вихрь налетѣла она на меня и вырвала бумажку. «Вотъ, думаемъ, слава Богу, поймала!» Быстро развертываетъ и читаетъ: «Любопытство бываетъ наказано!» Побагровѣла, какъ вареный ракъ — пейсики ея затряслись: «Кто писалъ записку?» допрашиваетъ она. Меня, бѣдную, поставила на колѣни посреди класса. На допросъ m-elle Ав... «кто писалъ?»—всѣ молчатъ. Додо М... уже хотѣла сознаться, какъ всѣ знаками молили не говорить, предчувствуя, что отъ мстительной классной дамы не будетъ пощады. Не добившись признанія, она придумала наказать насъ послѣ обѣда, когда всѣ будутъ гулять въ саду. Она заперла насъ всѣхъ въ большую бесѣдку такъ, чтобы весь институтъ видѣлъ, какъ отличилось наше отдѣленіе; просить прощенія мы не стали и смиренно всѣ отправились въ импровизированный казематъ. Заперевъ на ключъ и спрятавъ его въ карманъ, она ушла въ свою комнату, увѣренная, что никто не уйдетъ изъ этой темницы. Не тутъ-то было! Я, пишущая эти воспоминанія, ушла изъ-подъ замка́!

— Надя Ковалевская, къ тебѣ пріѣхалъ папа, подбѣжавъ къ окну, сказала мнѣ Соня Х...

— Какъ быть? Какъ уйти тебѣ, бѣдная?—говорили мнѣ дѣвицы.— А вотъ какъ: мы тебѣ пособимъ, вылѣзай изъ окна.

И нѣсколько дѣвицъ помогли мнѣ выбраться въ окно. Я стремглавъ,

задними аллеями, чрезъ черный ходъ пробралась въ комнату m-me Sarge, куда всегда пріѣзжали мои родители, такъ какъ она была знакома съ ними и меня очень любила. Кажется, только одинъ разъ въ моей институтской жизни я не умоляла отца посидѣть подольше и даже была рада проститься съ нимъ, чтобы скорѣе попасть на назначенное мнѣ мегерой мѣсто. Папа былъ очень удивленъ, видя мою разсѣянность, но мнѣ было стыдно сознаться въ нашемъ наказаніи, и я смолчала. Простясь и не проводивъ отца до швейцарской, какъ я это дѣлывала всегда, я черезъ нѣсколько секундъ, тѣмъ же путемъ и способомъ, съ помощью карауливших меня подругъ, сидѣла въ бесѣдкѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ 2 часа m-elle Ав... отворила нашу тюрьму и повела въ классъ на занятія; о моемъ путешествіи такъ она и не узнала, какъ не удалось никогда узнать, кто писалъ злосчастную записку.

Наконецъ настало тревожное время приготовленія къ выпускнымъ экзаменамъ! Занимались усидчиво, цѣлый день, даже вставали въ 4 часа ночи; выпросивъ огарокъ у нашей воспитанницы Маши, очень доброй дѣвушки, мы по кучкамъ, т. е. нѣсколько дружныхъ междус обою дѣвицъ садились долбить уроки къ экзамену. У меня экзамены прошли вполнѣ удачно, такъ что я была назначена отвѣчать на царскихъ и публичныхъ экзаменахъ. Надо пояснить, что на эти послѣдніе вызывались не всѣ, а только лучшія ученицы, иначе было бы утомительно выслушивать 200 слишкомъ дѣвицъ; на эти экзамены полагалось только два дня. Каждая изъ насъ, разумѣется, прекрасно знала заранѣе назначенный для нея билетъ и, кажется, чего бояться? Анъ нѣтъ! Какъ вызовутъ, бывало, къ доскѣ, сердце готово точно выскочить. А начнешь отвѣчать, страха какъ-будто и не бывало! То же самое, даже еще болѣе, мы испытывали и на главныхъ инспекторскихъ экзаменахъ, рѣшавшихъ участь нашихъ занятій за всѣ 6 лѣтъ, такъ какъ по отмѣткамъ на нихъ выдавались намъ награды и аттестаты. Экзамены происходили въ присутствіи начальницы, попечителей, инспектора, учителей и Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Царскіе экзамены обыкновенно происходили въ институтѣ, но въ годъ моего выпуска, въ Бозѣ почивающая императрица Александра Өеодоровна, будучи больною и чувствуя себя не въ силахъ ѣхать въ институтъ, соизволила приказать привозить насъ во дворецъ. Въ назначенный день насъ повезли въ Зимній дворецъ въ придворныхъ каретахъ. Въ 11 часовъ утра мы уже сидѣли въ большой залѣ дворца. Не знаю, какъ называется этотъ залъ, только помню въ немъ большіе, подъ самый потолокъ шкафы съ серебряными блюдами, а возлѣ корридоръ съ часовыми, изъ котораго дверь вела въ зимній садъ.

Ея величество, поздоровавшись съ нами, заняла свое кресло и, слу-

шая насъ, вязала чулокъ; возлѣ нея помѣстились: начальница, инспекторъ, члены совѣта, т. е. попечитель принцъ Ольденбургскій, учителя, фрейлины (классныя дамы сидѣли возлѣ насъ). Потомъ вошли въ ту же залу ихъ высочества, великія княжны и великіе князья. Экзаменъ нашъ продолжался часовъ около трехъ; вызванная по фамиліи дѣвица становилась противъ государыни. Мнѣ пришлось отвѣчать изъ Закона Божьяго, потомъ по географіи, всеобщей исторіи и русской литературѣ. Для экзамена по географіи были привезены классныя доски съ картами моей работы.

Императоръ Николай Павловичъ также осчастливилъ экзаменъ своимъ присутствіемъ, постоялъ нѣсколько минутъ сзади императрицы, задалъ ученицамъ два, три вопроса и удалился въ свои аппартаменты. По окончаніи экзамена ея величество, въ сопровожденіи начальницы и своихъ фрейлинъ, оставила залъ, сказавъ намъ:

— Идите, дѣти, посмотрите, гдѣ я живу; княжны вамъ покажутъ.

— Nous Vous remercions, Votre Majesté Impériale,—весело и радостно отвѣчали мы.

Какъ мы были счастливы и благодарны, видя такое милостивое вниманіе царя, царицы и ихъ царственныхъ дѣтей! Съ какой любовью и радушіемъ показывали они, объясняли намъ доселѣ невиданныя рѣдкости. Прежде всего повели насъ въ зимній садъ, потомъ черезъ кабинетъ, гдѣ императрица сидѣла съ начальницей, въ ея опочивальню; заставили обратить вниманіе на великолѣпнѣйшіе брильянты въ коронахъ и парюрахъ въ стоящихъ по угламъ витринахъ; затѣмъ спустились въ нижній зимній садъ, гдѣ порхали птички на свободѣ съ одной пальмы на другую, а въ клѣткахъ кричали пестрые попугаи; изъ ванной комнаты повели насъ по широкому корридору, украшенному великолѣпными картинами знаменитыхъ художниковъ. Тутъ присоединился къ намъ императоръ Николай Павловичъ; встрѣтивъ насъ здѣсь, онъ самъ лично показалъ намъ Георгіевскую, Бѣлую и другія залы, милостиво шутилъ съ дѣвицами, смѣясь надъ ихъ удивленіемъ и наивностью.

Изъ комнатъ великихъ князей насъ провели въ круглый концертный залъ, столовую, гдѣ уже были сервированы длинный столъ и нѣсколько маленькихъ столиковъ; столы были всѣ убраны цвѣтами, вазами съ фруктами и конфектами, съ бутылками вина и меда. Ихъ императорскія величества императоръ, императрица, великіе князья и княгини, фрейлины, начальница, классныя дамы, за этимъ же столомъ заняли мѣста и нѣкоторыя изъ институтокъ; кому не достало здѣсь мѣста, сѣли за маленькими столиками; мнѣ пришлось сидѣть за однимъ изъ послѣднихъ. Какое было меню, я уже не помню; конечно такое, котораго мы, институтки, и во снѣ не видали; фрукты и конфекты намъ приказали

взять съ собою. Садясь за столъ, начальница, по желанію государя и государыни, приказала намъ спѣть концертное «Отче нашъ», какое мы пѣли въ институтѣ. По окончаніи обѣда, поблагодаривъ царственныхъ хозяевъ за высокую милость и вниманіе, оказанные намъ, мы откланялись и уѣхали въ придворныхъ каретахъ домой. Боже мой! воспоминаніе объ этомъ днѣ никогда не изгладится изъ моей памяти! Весь вечеръ мы только и говорили, что о милостяхъ государя и государыни, передавали другъ другу слова, съ которыми они обращались къ намъ. Не знаю, какъ другія, а я всю ночь не спала отъ пережитаго въ этотъ незабвенный день.

Недѣлю спустя, насъ возили опять въ Аничкинъ дворецъ сдавать послѣдній экзаменъ по математикѣ, французскому и нѣмецкому языкамъ, физикѣ и естественной исторіи. Послѣ экзамена мы завтракали и также осматривали царскія комнаты. Описывать этотъ день не стану, такъ какъ онъ будетъ повтореніемъ предыдущаго, съ маленькими лишь измѣненіями. Царскій актъ былъ въ институтѣ. Не знаю, бываетъ ли такой праздникъ теперь, а въ мое время этотъ актъ былъ очень интересенъ! Постараюсь описать его, какъ помню.

Вечеръ; нашъ огромный залъ сіяетъ тысячами огней; въ углубленіи стоятъ кресла для царской фамиліи и стулья для прочихъ зрителей, въ сторонѣ—два рояля; нашъ оркестръ музыки расположенъ за колоннами, въ углу зала. Дверь отворяется, и классныя дамы вводятъ дѣвицъ младшаго возраста; помѣщаютъ ихъ на скамейкахъ за баллюстрадой; вотъ изъ физической комнаты раздаются торопливые шаги нашего полиціймейстера, который спѣшитъ сказать музыкантамъ, чтобы играли маршъ, подъ звуки котораго входятъ въ залъ: ихъ высочества великая княгиня Александра Николаевна, великая княжна Ольга Николаевна, великіе князья, его высочество принцъ Ольденбургскій съ супругою, фрейлины, начальница, попечители института, инспекторъ, учителя и масса приглашенныхъ. Государя и государыни не было—ея величество была не совсѣмъ здорова. За гостями идемъ мы, по-парно, въ бѣлыхъ муслиновыхъ платьяхъ: декольте и manches courtes; изъ широкой атласной ленты кушакъ съ длинными концами краснаго цвѣта, ордена св. Екатерины; расходимся по обѣимъ сторонамъ зала, гдѣ составляемъ большое каре; между тѣмъ, приготовленные рояли выдвигаютъ на середину и наши лучшія музыкантши садятся играть на двухъ рояляхъ пьесу въ 8 рукъ, потомъ на одномъ роялѣ въ 4 руки и, наконецъ, одна съ аккомпанементомъ оркестра.

Помню, какъ всѣ исполнительницы кланялись и благодарили за похвалы.

Затѣмъ выходятъ на средину три дѣвицы съ первой солисткой, а хоръ становится по сторонамъ ихъ. Сначала пѣли тріо по-итальянски,

а затѣмъ хоръ прекрасно исполнилъ русскую пѣсню изъ оперы «Жизнь за Царя». Вокальный экзаменъ закончился прощальною пѣснею къ институту, слова которой были сочинены нашимъ инспекторомъ классовъ П. Г. Ободовскимъ. Всей пѣсни не помню, но вотъ ея начало:

„Здѣсь, подруги, къ свѣтлой цѣли
Всѣ мы шли одной стезей,
Здѣсь, какъ въ мирной колыбели
Дѣтства дни отъ насъ летѣли
И—умчалися стрѣлой!
Въ разлукѣ, кто изъ насъ забудетъ
Невинныхъ радостей пріютъ?
Намъ бурный свѣтъ чужбиной будетъ,
Отчизной—мирный институтъ!!..“

Тогда мы еще не знали, а только чувствовали правдивость этихъ послѣднихъ строкъ, и только послѣ многія испытали жизнь, полную бурь, волненій и всякихъ невзгодъ; живя же подъ попеченіемъ добраго начальства, мы не имѣли никакихъ заботъ, кромѣ уроковъ. Хорошее было, славное время, и я, на закатѣ дней моихъ, вспоминаю, прославляю царя, царицу и все начальство за шесть лѣтъ, проведенныхъ въ миломъ институтѣ.

Въ антрактахъ разносили царственнымъ и другимъ гостямъ чай и фрукты; а мы между тѣмъ приготовлялись къ танцамъ, т. е. къ послѣдней части актовой программы. Вотъ раздались звуки музыки: начался плавный минуэтъ съ его граціозными поклонами; гавотъ, pas de challe съ голубыми креповыми шарфами, съ цвѣточными гирляндами, вѣнками; маленькія дѣвицы, съ букетами въ рукахъ, составляли прелестныя группы въ своихъ бѣлыхъ, съ красными лентами, коротенькихъ муслиновыхъ платьицахъ; составлялись различныя фигуры изъ шарфовъ, перемѣшанныя гирляндами и вѣнками, словомъ, балетъ въ миніатюрномъ, но строгомъ стилѣ. По окончаніи танцевъ особы царской фамиліи, гости, въ сопровожденіи начальницы и дѣвицъ, прошли въ физическій залъ осматривать выставленныя работы, сгруппированныя очень красиво на длинномъ большомъ столѣ по серединѣ комнаты: тутъ были прелестныя корзины изъ розоваго, бѣлаго, голубаго атласа для туалета, вышитыя подушки, sachets, всѣхъ цвѣтовъ, величинъ и формъ, разныя мелкія работы: кошельки, туфли, цвѣты, огромный коверъ во всю величину стѣны, длинный коверъ дорожкой, сонетки висѣли на стѣнахъ, картины въ золоченыхъ рамахъ, писанныя масляными красками и акварелью, и, наконецъ, каллиграфическіе рисунки перомъ, китайской тушью.

Скажу нѣсколько словъ о себѣ собственно: я оставляла институтъ сиротою,—за 4 мѣсяца до выхода изъ института умеръ мой отецъ, такъ

что радостное для всѣхъ время для меня было омрачено горемъ и часто слезами, къ тому же и мама моя была въ это время такъ больна, что не могла сама пріѣхать за мною въ институтъ и прислала гувернантку моихъ младшихъ братьевъ и сестеръ.

За нѣсколько дней до выпуска, оканчивающихъ съ наградою возили во дворецъ, гдѣ ея величество государыня императрица Александра Ѳеодоровна лично раздавала шифры, медали и книги. Въ залѣ дворца, гдѣ мы экзаменовались, поставили насъ въ двѣ колонны, съ широкимъ между ними проходомъ. Ея величество сидѣла, окруженная великими княжнами и фрейлинами, а рядомъ съ нею сидѣла m-me Родзянко. Инспекторъ вызывалъ удостоенную награды по фамиліи; выйдя изъ своего ряда, она подходила къ государынѣ, дѣлая чрезъ каждые нѣсколько шаговъ глубокій реверансъ, становилась на одно колѣно и, получивъ награду, цѣловала руку государыни и тѣмъ же порядкомъ возвращалась на свое мѣсто. Сидя возлѣ ея величества, начальница называла ей каждую ученицу, кратко докладывая ей о родителяхъ награждаемой. Когда дошла очередь до меня и m-me Родзянко стала что-то докладывать императрицѣ, государыня громко сказала мнѣ:

— Я помню твоего отца-старика, — и, вручая мнѣ награду, меня поцѣловала.

Господи, Боже мой! Я такъ была потрясена этой милостью, что чуть не лишилась чувствъ и, не помня себя—гдѣ я и что со мною—можно сказать летѣла на свое мѣсто. Дѣвицы, видѣвшія происшедшее, шептали мнѣ: «счастливица ты, счастливица!»

Наканунѣ дня выпуска императрица съ августѣйшими дѣтьми: великой княжной Ольгой Николаевной и великими князьями: Константиномъ и Николаемъ Николаевичами, посѣтивъ въ послѣдній разъ при мнѣ институтъ, пожелали осмотрѣть нашей работы картины и рукодѣлье. Между работами былъ, между прочимъ, географическій атласъ, съ картами, рисованными мною, на прекрасной бумагѣ, съ виньетками. Роскошно отдѣланный, въ бархатѣ, съ бронзовыми углами и застежками, атласъ этотъ дѣйствительно могъ остановить на себѣ вниманіе. Я готовила его въ подарокъ своему отцу задолго до его смерти. Осматривая наши работы, великая княжна Ольга Николаевна остановилась у этого атласа и только-что задала m-me Родзянко вопросъ, кому принадлежитъ этотъ атласъ, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ, придя отъ работы въ восторгъ, въ ту же секунду заявилъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе пріобрѣсти этотъ атласъ себѣ.

— На что тебѣ эта вещь,—обратился онъ къ великой княгинѣ,—я, какъ морякъ, имѣю на нее правъ больше, чѣмъ ты!

— Надѣюсь, mademoiselle, что вы будете согласны мнѣ подарить его,—обратился ко мнѣ великій князь.

*

Глубокій реверансъ былъ моимъ отвѣтомъ. Его высочеству принцу Ольденбургскому я поднесла своей работы карты отъ основанія Россіи до царствованія Николая I.

Осмотрѣвъ всѣ наши картины и работы, ея величество и ихъ высочества отбыли изъ института. Въ послѣдній разъ мы институтками простились съ царицей и ея семьей.

Наконецъ насталъ день выпуска, — радостный, счастливый, давно желанный! Но, увы! Еще наканунѣ всѣ мы чувствовали себя въ грустномъ настроеніи духа, ходили молча по корридорамъ, прощались съ каждымъ уголкомъ института, гдѣ протекли счастливые дни нашего дѣтства и юности. Право, мы и не воображали, что будетъ такъ скучно разставаться; до сей минуты какъ-то индифферентно смотрѣли на разлуку съ начальницей, подругами. Теперь только мы сознали, что надо сказать другъ другу «прости», быть можетъ, «на-вѣки». Всю ночь мы почти не спали, разговаривая между собою, и классныя дежурныя дамы оставались съ нами долѣе обыкновеннаго.

Утро... сѣренькое, петербургское, мартовское утро вполнѣ гармонировало съ нашими чувствами... Звонокъ! Боже, въ послѣдній разъ онъ раздался въ нашихъ ушахъ, теперь никогда не услышимъ его дребезжащаго звона! Мы одѣваемся въ бѣлыя, съ красными лентами, муслиновыя платья, которыя уже надѣвали на актахъ. Все казенное, начиная отъ чулка, положили свернутымъ на табуретахъ у кроватей, въ послѣдній разъ стали на молитву въ дортуарѣ въ присутствіи дежурной дамы; по-парно повели насъ въ столовую пить чай, потомъ въ залу, гдѣ начальница раздавала намъ Евангеліе и аттестаты. Въ 12 часовъ мы позавтракали или пообѣдали, какъ хотите назовите наше послѣднее институтское угощеніе, послѣ котораго пошли въ церковь къ молебну, гдѣ пѣлъ въ послѣдній разъ стройный хоръ изъ насъ, дѣвицъ. Батюшка сказалъ намъ сердечно-прочувствованное прощальное слово; мы всѣ плакали, m-me Родзянко, классныя дамы утирали слезы...

Между тѣмъ въ залу уже сбирались родные и ждали возвращенія дѣвицъ изъ церкви. Началось прощаніе съ классными дамами, учителями и, наконецъ, одна съ другой; поцѣлуи, слезы, обѣщаніе въ вѣчной дружбѣ и т. п. И вотъ дверь института открылась для насъ—вылетѣли птички на волю!! Какова-то она будетъ? Что ждетъ насъ въ невѣдомомъ будущемъ?

На другой день каждая изъ окончившихъ курсъ пріѣзжала въ институтъ еще разъ поблагодарить институтское начальство за свое воспитаніе. Тутъ уже явились не институтки, а свѣтскія барышни, въ туалетахъ, смотря по состоянію. Тутъ уже была замѣтна разница одной дѣвицы отъ другой: бѣдной сиротки отъ богатой аристократки.

Здѣсь я ставлю точку и на этомъ кончаю свои воспоминанія...

Н. Ковалевская.